

ЭММА РУДКЕВИЧ

Мрушка
ЖЕСТОКОГО
НАСЛЕДНИКА.

Ты думал, что сможешь меня сломать!

18+

18+

содержит нецензурную брань

Эмма Рудкевич

**Игрушка жестокого
наследника. Ты думал, что
сможешь меня сломать!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Игрушка жестокого наследника. Ты думал, что сможешь меня сломать! / Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Меня подставили на экзамене по кибербезопасности. Украденные данные, поддельные улики, угроза тюрьмы. А потом появился Артур Волков — сын ректора, ледяной принц нашей элитной академии. — Либо полиция, либо ты становишься моей игрушкой. Навсегда. Он забрал мою свободу, поселил под круглосуточным наблюдением и заставил работать на себя. Я ненавидела его. Но однажды обнаружила страшную правду. Его отец проводит незаконные эксперименты над студентами. А сам Артур был первым подопытным! Теперь только я могу взломать систему и уничтожить империю Волковых. Но что делать, если мужчина, которого я должна ненавидеть, стал единственным, кому хочется доверять? И способен ли жестокий принц научиться любить?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эмма Рудкевич

Игрушка жестокого наследника. Ты думал, что сможешь меня сломать!

Глава 1

Пальцы дрожали, но не от холода — от азарта. Экран ноутбука заливал аудиторию 404 бледным синим светом, и я шурилась в него, высматривая следующий узел защиты. Три часа ночи. Ночной экзамен по кибербезопасности в Технологическом колледже «Вектор». Осталось десять минут до конца, а мой скрипт-обходчик только что начал жрать временные лимиты сервера как крошки печенья.

Я не просто сдавала тест. Я играла. И выигрывала.

Студенты на других рядах уже начали паниковать. Кто-то шептал про зависания, кто-то нервно тыкал в клавиши. А я чувствовала себя дирижером оркестра, который играет симфонию тишины. Мой код тек рекой, обходя файрволы ректора, словно они были бумажными стенами. Ещё чуть-чуть. Ещё один узел безопасности...

Внезапно экран мигнул. Красный. Яркий, агрессивный красный.

ACCESS DENIED. ROOT DIRECTORY LOCKED.

Сердце ухнуло в желудок. Этого не должно было быть. Я проверила логи трижды. Система не должна была реагировать так быстро. Я лихорадочно начала переписывать хвост скрипта, пальцы скользили по тачпаду, оставляя влажные следы. Пот выступил на лбу. Если сейчас прервать сессию, меня забанят навсегда. Я игнорировала предупреждение о перегрузке процессора, стискивая зубы так, что сводило челюсти. В голове билась одна мысль: *я всё контролирую.*

Я стерла последнюю команду и набрала её заново. Красная надпись осталась. Ну же. Я ведь проверяла этот узел.

Скрипнула дверь аудитории. Звук был тихим, почти интимным, но он разрезал гудение вентиляторов ноутбуков на части. Я не обернулась. Не могла. Но температура воздуха упала на несколько градусов.

— Эффектный трюк, Верочка, — голос был низким, бархатным и абсолютно равнодушным.

Артур Волков. Староста курса. Сын ректора. Тот, чьё имя произносили шёпотом, как заклинание, способное вызвать бурю.

Он не подошёл к моему ряду. Он остановился у стены, где висел общий рубильник аварийного отключения питания лекционных залов — деталь, которую забыли убрать после ремонта полгода назад. Артур посмотрел на меня. Его серые глаза казались пустыми сканерами, считывающими не человека, а ошибку в системе.

Щелчок.

Свет погас. Сетевое соединение оборвалось; ноутбук остался работать от батареи. Темнота обрушилась на меня волной тошноты. Я вскочила со стула, готовая кричать, готова была дать сдачи, кулаки сами сжались. Но слова застряли в горле. Артур даже не изменился в лице. Он просто стоял там, в полумраке, и его присутствие давило физически, как тяжесть воды на глубине. Страх парализовал ноги. Это был не страх перед учителем. Это был страх перед хищником, который решил, что ты слишком шумная добыча.

— Объясни мне, — Артур сделал шаг ближе, его туфли беззвучно прошлись по ламинату, — почему твой IP-адрес числится источником взлома ядра безопасности факультета?

Я открыла рот, чтобы сказать, что это баг. Что их софт дырявый. Что я всего лишь студентка-стипендиатка, которая пыталась сдать экзамен.

— Ты знаешь, что такое шпионаж, Вера? — он достал свой планшет, развернул его ко мне. На экране чернели строки лога. Там был мой MAC-адрес. Мой никнейм. Моё время входа. Всё выглядело идеально поддельным. Идеально сфабрикованным против меня.

Реальность исказилась. Ловушка захлопнулась, и я почувствовала, как её щупальца опутывают мою шею. Улики были чистыми. Слишком чистыми.

В этот момент в коридоре за дверью послышались голоса. Смех. Высокий, звонкий смех Ксении Лавровой.

Дверь распахнулась шире. Свет из коридора ударил в глаза, ослепив меня. В аудиторию вошла тройка студентов из «золотого пула»: Ксения в своём идеальном белом костюме, парень с бейсбольной битой в руке (для статуса) и девушка с айфоном, снимающая всё происходящее.

Они не спрашивали, что случилось. Они знали.

— Господи, Артур, ты поймал её? — Ксения оглядела меня взглядом, полным такого отвращения, будто я была насекомым, раздавленным на стекле. — Грязная уличная воришка. Она посмела залезть в закрытый контур ректора?

Кто-то из группы хихикнул. Камера телефона смотрела прямо на моё лицо. Я чувствовала, как горят уши. Стыд обжигал кожу сильнее, чем страх полиции. Я сжала кулаки, ногти впились в ладони до боли, стараясь сохранить хоть каплю достоинства. Но под их насмешками я ощущала себя прозрачной. Ничтожной.

— Выключите камеру, — процедила я. Голос дрогнул. Предательски.

— Ты будешь командовать нам? — Ксения сделала шаг вперед, её туфельки цокали по полу, отбивая ритм моего унижения. — Тебя исключат сегодня же. Или посадят. Папа говорит, что такие, как ты, должны сидеть в СИЗО, а не учиться за деньги фонда.

Артур поднял руку, и Ксения мгновенно замолчала. Власть над толпой была абсолютной.

— Полиция или личная служба, — сказал Артур. Он говорил ровно, как диктор погоды. Без эмоций. Будто обсуждал меню в столовой.

Я уставилась на него.

— Что?

— Вариант первый: я отправляю материалы в полицию. Шпионаж, несанкционированный доступ, попытка кражи интеллектуальной собственности. Срок тебе обеспечен. Адвоката у тебя нет. Семьи, которая бы заступилась, тоже нет. Мы проверили твоё досье, Вера. Ты одиночка.

Его слова били точно в цель. Каждый пункт был гвоздём в крышку моего гроба.

— Второй вариант, — он продолжил, глядя мне прямо в зрачки, — ты становишься моей личной «игрушкой». Тестовым стендом для новых протоколов безопасности. Ты живёшь рядом со мной. Ты работаешь на меня. Ты молчишь обо всём. 24/7.

Злость вскипела внутри, горячая, кислая, разрушительная. Как он смеет? Смеет использовать людей как функции?

— Пошёл ты, — выплюнула я.

Тишина стала оглушающей. Даже Ксения перестала дышать.

Артур моргнул. Медленно. Он достал платок из кармана пиджака, аккуратно протёр рукав, хотя ничего не испачкал. Затем наклонился ближе, понизив голос до шёпота, который слышали только мы вдвоём, но который звучал громче крика.

— Подумай ещё раз, Вера. Твой выбор — это не свобода. Это скорость падения.

Он отвернулся и сказал куратору, который наконец появился в дверях:

— Блокируйте доступ в общежитие. Все вещи вынести в коридор. Немедленно.

Это произошло быстрее, чем я успела моргнуть. Кураторы, охранники, студенты — всё превратилось в механизм переработки человеческих судеб. Мои друзья, те самые ребята с пер-

вого курса, с которыми я делила кофе и конспекты, отворачивались. Их глаза говорили: *«Не связывайся с ней»*. Страх перед статусом сильнее дружбы.

Я побежала в общежитие. Дверь моего номера была уже открыта. Охранник вываливал мои скромные пожитки в коридор: стопку книг, старый рюкзак, пару джинсов, которые пахли порошком и бедностью.

Холод пола пробирался даже сквозь подошвы кроссовок. Мурашки бежали по спине. Я собирала вещи, чувствуя, как мир рушится вокруг меня. Нет дома. Нет будущего. Нет меня. Только клеймо преступницы на лбу, которое теперь видит каждый.

Когда я вышла в темный коридор лестничной клетки, держа в руках коробку с книгами, меня никто не встречал. Тишина давила на уши. Я прислонилась спиной к холодной бетонной стене, закрыв глаза. Слёзы подступили к горлу, но я не плакала. Плакать означало признать поражение. А я не проиграла. Меня украли.

Шаги эхом разнеслись по лестнице. Медленные, размеренные. Артур.

Он не злился. Он выглядел... заинтересованным. Как учёный, наблюдающий за реакцией вещества.

— Знаешь, кто настоящий саботажник? — спросил он тихо.

Я подняла голову. В полумраке его лицо казалось маской.

— Твой отец? — прошептала я. Интуиция, привыкшая находить дыры в коде, подсказывала ответ.

Артур усмехнулся. Уголки губ дрогнули, создавая тень на щеках.

— Он использует студентов как мышей для незаконного сбора биометрии. Экспериментальная система. А ты... ты единственная, кто способен пробить его защиту. Потому что ты умнее всех них. Всех этих принцев и принцесс, которые играют в безопасность, но не понимают её сути.

Он протянул мне ключ. Тяжёлый, металлический, холодный. Ключ от VIP-крыла общежития. От мира, в котором я никогда не буду жить. Мира, который презирал меня.

— Мне нужен шанс отмыться, — сказал он. — И тебе нужен шанс выжить. Ставь себя на место жертвы. Позволь мне сломать тебя, чтобы потом собрать заново.

Ненависть смешалась с любопытством. С отчаянием. С пониманием, что отказ означает конец, а принятие грозит рабством. Но рабство даёт оружие.

Я взяла холодный металл ключа в руку, чувствуя, как он обжигает пальцы. Артур улыбнулся — впервые за вечер. Это была не улыбка победителя. Это была улыбка того, кто наконец нашел игрушку, которую не сможет сломать.

Глава 2

Артур привёл меня в кабинет ректора — оформлять перевод в элитное крыло. Секунда. Вот сколько мне понадобилось, чтобы понять: я в ловушке.

Пальцы замерли на сканере отпечатков, но биометрический замок не щелкнул. Наоборот, раздался тихий, противный писк, и красная лампочка над дверью кабинета ректора вспыхнула, как глаз циклопа. Я дёрнулась назад, инстинктивно пытаюсь вырваться из этого стерильного, пахнущего озоном и дорогим деревом пространства. Дверь не открылась. Она заблокировалась изнутри.

— Чудесно, — прошептала я себе под нос, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику.

Я метнулась к столу, где лежал мой телефон. Экран светился тревожным красным уведомлением: «Система безопасности активирована. Ожидание охраны». В голове завертелось: если сейчас войдут люди в форме, всё кончено. Шпионаж. Уголовка. Мать в больнице без меня умрёт через неделю.

Мои пальцы дрожали, когда я схватила устройство. Не для звонка. Для глушения. Я знала этот протокол — он был слабым местом старой версии «Стража», которую мы изучали в теоретическом модуле. Три быстрых тапа по экрану, запуск скрипта-заглушки локального Wi-Fi... Секунды казались вечностью. Гудение в ушах стало оглушающим. Тишина повисла на пять секунд. Достаточно, чтобы выдохнуть? Нет.

В зеркальной поверхности монитора, стоящего на столе, я увидела отражение. За моей спиной, в тени угла, торчала вешалка. Я приняла её за человека и едва не выронила телефон. Камера наблюдения в углу потолка мигнула зеленым. Он видел меня. Он всегда видит.

Дверь распахнулась так резко, что ударилась о стену с грохотом.

Артур Волков вошел в кабинет, даже не взглянув на охранников, которые уже толпились в коридоре, ожидая сигнала. Его лицо было маской скуки. Идеально очерченные скулы, темные волосы, выбивающиеся из-под форменной кепки старосты курса, и глаза цвета стали, в которых не было ни капли тепла. Только расчет.

— Ты заглушила сигнал, Вера, — его голос был низким бархатом, обмотанным вокруг горла. — Импровизация. Похвально. Но бесполезно.

— Отпусти меня! — крикнула я, отшатываясь к окну. За стеклом простиралась ночь кампуса, спокойная и равнодушная. — Я ничего не крада! Это подстава! Ксения...

— Тихо, — он произнес это одно слово, и оно ударило по вискам сильнее любого крика. Артур подошел ближе, игнорируя мои угрозы. Он положил на стол планшет. — Смотри.

На экране воспроизвелось видео. Коридор общежития, прошлая ночь. Ксения Лаврова, улыбаясь своей фирменной фальшивой улыбкой, незаметно просовывает USB-флешку в карман моей куртки, пока я стою спиной, читая заметки в телефоне. Доказательство невиновности.

Сердце заколотилось.

— Видишь? — спросил Артур, наклоняясь ко мне. Его дыхание коснулось моей щеки, пахло мятой и чем-то металлическим, опасным. — Теперь ты можешь жаловаться в полицию. Можешь плакать перед комиссией. Но посмотри на дату загрузки системы. Посмотри на логи доступа. Всё указывает на то, что *ты* взламывала серверную. А Ксения... она просто свидетель. Дочь главного спонсора фонда. Ты думаешь, судья поверит грязной стипендиатке против семьи Лавровых?

— Это подлость, — прохрипела я.

— Это реальность, — он выпрямился, поправляя манжету рубашки. — Подписывай.

Он бросил передо мной бумагу. «Добровольное сотрудничество со следствием внутри академической структуры. Перевод под наблюдение администрации».

— Нет, — я сжала кулаки, ногти врезались в ладони до боли. — Я подам заявление в прокуратуру. Я расскажу всем, как ты шантажируешь студентов.

Артур усмехнулся. Холодно. Жестоко.

— Твоя мать, Галина Ивановна, лежит в реанимации второго корпуса городской больницы. Её страховка оплачена фондом Волковых. Стоит мне позвонить одному человеку, и её переведут в палату без кислорода. Или отключат оборудование. Выбор за тобой, гений. Быть свободной или живой.

Слово «живой» повисло в воздухе, тяжелое, как свинец. Внутри всё рушилось. Страх за маму перекрыл весь стыд и ярость. Эмоции здесь не работали. Артур был прав: он считал людей функциями, а чувствами можно только манипулировать.

Я сделала глубокий вдох. Выдох. Переключила мозг в режим кодирования. Логика. Аргументы. Цена.

— Мои навыки, — сказала я ровно, глядя ему прямо в глаза. — Тебе нужен доступ к исходному коду «Стража». Ты не можешь сделать это один, потому что система видит тебя как администратора и блокирует попытки глубокого сканирования. Тебе нужен чистый профиль пользователя. Нужен кто-то, кого система будет недооценивать.

Артур приподнял бровь. На долю секунды в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Продолжай.

— Я подпишу. Но с условием. Полный доступ к тестовой среде. Я буду твоим «подопытным кроликом», как ты любишь называть таких, как я. Но взамен ты гарантируешь безопасность моей матери и оставляешь мне право на защиту данных моего личного дела. Никто не узнает, что я подписала эту бумагу. Кроме тебя.

Тишина длилась три секунды. Артур смотрел на меня так, будто оценивал новый экспонат в музее. Потом он медленно кивнул.

— Принято. Но знай, Вера: ты переступила черту. Теперь ты часть игры.

Переезд занял двадцать минут. Мои вещи — рюкзак, пара книг, одежда — были брошены в коробку и доставлены в элитное крыло общежития «Гранит». Комната была маленькой, стерильно белой, с одной кроватью и столом, привинченным к полу. Никаких личных вещей. Никакой свободы.

Когда я вышла в коридор, чтобы взять полотенце, там уже ждали они. Золотые дети академии. Группа студентов в дорогих худи и с ноутбуками под мышками. И в центре них — Ксения.

Она выглядела как королева на балу. Светлые волосы уложены идеальными волнами, макияж безупречен, в руках — стаканчик кофе из брензированной кофейни кампуса.

— О, смотрите, кто тут, — её голос разлетелся по коридору, сладкий и ядовитый. — Наша маленькая шпионка. Решила, что ей позволено ходить по элитным этажам?

Студенты захихикали. Кто-то из парней, высокий и плечистый, демонстративно оттолкнул меня плечом, заставляя шагнуть назад.

— Ты грязная уличная воришка, Вера, — Ксения шагнула ближе, впрыскивая духи прямо мне в лицо. — Тебе повезло, что Артур взял тебя на поводок. Но помни место. Стипендиатки должны сидеть в подвале и грызть гранит науки, а не дышать одним воздухом с нами.

Она махнула рукой, и парень рядом швырнул остатки своего кофе мне под ноги. Брызги горячего напитка попали на мои белые кроссовки. Темное пятно расплзлось по ткани, как кровь.

Я почувствовала, как внутри поднимается волна слез, унижения, бессилия. Хотелось закричать, убежать, забиться в угол. Но я вспомнила слова Артура. *Ты слабая.*

Нет. Я не буду слабой.

Я медленно присела на корточки. Вытащила из кармана салфетку. Аккуратно, методично вытерла пятно с обуви. Каждое движение было нарочито спокойным. Когда я подняла голову, Ксения ожидала увидеть слезы. Вместо этого она встретила мой взгляд. Прямой. Пустой.

Глава 3

— Знаешь, Ксюш, — произнесла я тихо, но так, что все замолчали. — Артур сказал, что у тебя есть привычка хранить компромат в шкафу с двойным дном. Второй слева. Синяя папка с фотографиями твоего парня и той девочки из параллели. Если хочешь, я могу показать эти фото декану. Прямо сейчас. Или завтра утром.

Лицо Ксении исказилось. Румяна побледнели, губы задрожали. Она не знала, что я блефую. Я видела синюю папку в её комнате, когда случайно зашла туда две недели назад, ища зарядку. Но она не знала, что я запомнила расположение всех их секретов.

— Ты... ты врешь, — прошипела она, но в её глазах плескался настоящий ужас.

— Проверим? — я усмехнулась. — Или тебе лучше уйти, пока твой секрет не стал достоянием общественности?

Ксения развернулась и быстро ушла, толкая локтями своих прихлебателей. Коридор опустел. Осталось только эхо шагов и запах кофе, который теперь не казался таким неприятным.

Я вернулась в комнату, закрыла дверь и оперлась лбом о холодное дерево. Руки тряслись. Сердце колотилось где-то в горле. Ксения ушла. Не я — она. Хотелось снова выглянуть в коридор и убедиться, что за дверью больше никто не ждёт.

Ночь не принесла сна. Лежа на жесткой кровати, я вслушивалась в гул вентиляции. Внезапно в дверь постучали. Тихо, вежливо. Три коротких удара.

Я села, натянув одеяло до подбородка.

— Кто?

— Лев Орлов. Преподаватель этики хакерства. Можно войти?

Лев. Тихий ассистент, который никогда не повышал голос и всегда смотрел сквозь очки с какой-то странной грустью. Я не открывала ему дверь. Не могла позволить себе доверять кому-либо в этом аду.

— Мне не нужна помощь, — ответила я.

— Я оставил еду у двери, — голос Льва был мягким, почти виноватым. — И записку. Просто прочти.

Шаги удалились. Через минуту я решилась открыть дверь. На полу стоял пластиковый контейнер с рисом и курицей, еще теплым. Рядом лежала сложенная вчетверо бумага.

Я развернула её. Почерк был аккуратным, мелким.

«Вера, я знаю, что произошло с системой. Я знаю, что данные о твоих действиях были сфабрикованы задним числом. Артур Волков не просто староста. Он использует эту ситуацию, чтобы получить доступ к архиву ректората. Будь осторожна. Если станет совсем тяжело, обратись в юридическую клинику. Они работают анонимно. Ты не одна.»

Под запиской стоял адрес клиники. Я перечитала её три раза. Юридическая клиника. Это означало, что есть шанс. Что есть кто-то, кто видит во мне человека, а не функцию. Но одновременно это был риск. Если Артур узнает, что я общаюсь с «предателями» его системы...

Я смяла записку и спрятала в матрас. Рис съела молча, механически, как топливо для машины, которая должна ехать дальше.

Утро началось с вызова. Сообщение пришло на мой рабочий терминал ровно в 7:00. «Серверная. Немедленно».

Артур уже ждал там. В полумраке, подсвеченном мерцанием тысяч светодиодов, он выглядел как призрак цифровой эпохи. Перед ним на огромном экране крутились потоки данных, графики активности студентов, переписки.

— Система «Эхо», — начал он, не здороваясь. — Новый модуль анализа поведения. Он отслеживает паттерны общения, эмоциональные всплески, подозрительные ключевые слова.

Твоя задача — найти уязвимость. Обойти фильтрацию и отправить сообщение на внешний адрес, не будучи пойманным. Время: один час.

— Это незаконно, — сказала я, подходя к консоли. — И аморально. Следить за личными сообщениями студентов...

— Это не слежка, Вера. Это безопасность. — Он повернулся ко мне, и в его глазах танцевали искры безумия. — Начни.

Я села за клавиатуру. Пальцы зависли над кнопками. Я начала анализировать структуру кода. Это была сложная, многоуровневая защита. Но везде есть дыры. Особенно там, где разработчики слишком уверены в своем превосходстве.

Через двадцать минут я нашла точку входа. Слабое место в алгоритме распознавания контекста. Можно было послать пакет данных, имитирующий служебное обновление, и вшить внутрь полезную нагрузку.

Но вместо того чтобы писать код, я остановилась.

— Артур, — сказала я, не оборачиваясь. — Почему ты сам это не сделаешь? Ты капитан команды, сын ректора. У тебя есть полный доступ.

Он молчал. Пауза затянулась.

— Потому что система видит меня, — ответил он наконец. Голос стал тише, жестче. — Мой ID зарегистрирован как администратор высшего уровня. Любое мое действие логируется автоматически и отправляется отцу. Тебя нет в списках. Ты — тень.

Я обернулась. Артур стоял у стены, засунув руки в карманы брюк. Он выглядел уставшим. Не физически. Морально. Изможденным.

— Ты используешь меня, чтобы достать доказательства против своего отца, — поняла я. Слово само сорвалось с языка, как камень с горы.

Артур не отвел взгляд.

— А ты используешь мою ненависть, чтобы спасти свою шкуру. Мы оба знаем, что делаем.

Внезапно на экране мигнуло красное окно. «Предупреждение: несанкционированный доступ к внешним базам данных».

— Ты медлишь, — сказал Артур. Он достал свой телефон и набрал номер. — Если ты не найдешь решение за десять минут, я активирую протокол «Социальная изоляция». Твоя мать получит письмо с заявлением о том, что её дочь связана с экстремистскими группировками. Я передам его в фонд, который оплачивает её лечение. Посмотрим, захотят ли там продолжать выплаты.

Тошнота подкатила к горлу. Это было жестоко. Это было красиво в своей ужасающей эффективности.

— Десять минут, — повторил он.

Я развернулась к экрану. Код сливался в серую кашу, но я знала, что делать. Нужно было обойти фильтр и проложить ложный маршрут данных. Искусственный шум.

Мои пальцы полетели по клавиатуре. Пот капал на лоб. Я чувствовала, как каждый байт проходит через меня, как я становлюсь частью этой машины. В какой-то момент я забыла о страхе. Осталась только логика. Красота решения.

Когда таймер показал ноль, я нажала Enter.

На экране появилось сообщение: «Отправлено. Анонимно».

Артур выдохнул. Он подошел ко мне вплотную. Так близко, что я чувствовала тепло его тела сквозь ткань формы. Он склонился к моему лицу, вдыхая воздух рядом с моими губами.

— Ты справилась, — прошептал он. В его голосе не было одобрения. Было голодное восхищение хищника, нашедшего достойную добычу.

Его рука легла на мою шею. Не душила. Просто держала. Крепко, уверенно, как поводок. Я не дернулась. Я посмотрела ему в глаза и за злобой разглядела одиночество. Огромное, черное, непроходимое.

— Ты теперь моя, Вера, — прошептал он, и от его слов по спине пробежали мурашки. — И если ты попробуешь бежать, я не отправлю тебя в полицию. Я сотру твоё существование так, что даже мать не вспомнит, как тебя звали.

Он отпустил мою шею. Медленно, с сожалением.

— Работаем дальше.

Глава 4

Лифт в элитное крыло «Гранит» пах дорогим парфюмом и холодным металлом. Двери распахнулись, но внутрь я не шагнула. Ксения Лаврова стояла посреди холла, прижимая к груди планшет, как щит. Её глаза, нарисованные с хирургической точностью, сверкали торжеством хищницы, загнавшей добычу в угол.

— Ой, прости, Вера, — протянула она голосом, сладким, как просроченный мёд. — Я совсем забыла, что ты теперь... технически отчисленная. А лифт только для тех, кто имеет доступ к системе безопасности. То есть, для настоящих студентов.

За её спиной хихикали трое из золотой молодежи. Ждать унижения? Нет.

Я молча развернулась, игнорируя её взгляд, который ждал слез или оправданий, и пошла к служебной лестнице у пожарной двери. Шаг за шагом вверх. Мои кеды шуршали по бетону, отдавая эхом в пустоте. Спустя минуту я вышла на нужный этаж, слегка запыхавшаяся, но с прямой спиной. Ксения увидела меня через стеклянную перегородку коридора. Её улыбка погасла. Я прошла мимо перегородки, не замедлив шаг. Пусть Ксения стоит у своего лифта; до комнаты я добралась и без него.

Меня переводили из временной комнаты в люкс, если можно так назвать камеру одиночного заключения с видом на кампус. Администратор, лысый мужчина с лицом восковой куклы, держал передо мной бумагу.

— Подпиши здесь, Вера. Допсоглашение о полном мониторинге биометрии, аудио-видео записи и геолокации. Твоя комната станет частью тестовой среды проекта Артура Волкова. Без подписи ключей не будет.

Внутри всё сжалось от тошноты. Они хотят видеть каждый мой вдох, каждую мысль, превратить меня в подопытную крысу в золотой клетке.

— Я не буду это подписывать, — мой голос дрогнул, но я совладала собой. — Если вы не дадите мне ключи прямо сейчас, я пойду в полицию и расскажу им, какой именно проект проверяется на студентах без их согласия. Вам нужен скандал? Ректору он точно не нужен.

Администратор побледнел. Он потянулся к телефону, чтобы позвать охрану, но дверь кабинета открылась бесшумно.

Артур вошел, даже не сняв пальто. Его тень накрыла меня раньше, чем он успел произнести слово.

— Достаточно, — сказал он тихо, и администратор мгновенно стушевался, пряча бумаги в стол.

Артур подошёл ближе и забрал карту доступа из рук администратора. Я едва удержалась, чтобы не отступить.

— Ты права, они боятся огласки. Но ты ошибаешься в одном, Вера. У тебя нет выбора уйти. И нет выбора остаться здесь свободно. Теперь ты под моим контролем лично. Камеры в номере включены. Микрофон активен. Каждую секунду. Это цена твоего места в игре.

Он повернулся и вышел, оставив меня один на один с тишиной и ощущением липкой паутины над головой.

Комната была стерильной. Белые стены, дорогой диван, огромный экран вместо окна. Ни одной личной вещи. Мои книги, ноутбук, даже старая футболка с принтом котика — всё исчезло. Или было украдено, или выброшено. Я схватила телефон, чтобы написать маме, но экран показал серый значок Wi-Fi: *Нет соединения*. Система блокировки Артура работала безупречно.

Злость затопила грудь чернильной волной. Я посмотрела на зеркало в углу комнаты. В нем отражалась чужая девушка — бледная, с темными кругами под глазами.

Хватит.

Я размахнулась и кулаком пробила стекло.

Осколки звонко рассыпались по полу. Боль была острой, честной, настоящей. По руке потекла кровь, красная капля упала на белый пол, как точка в конце предложения.

Дверь открылась. Артур стоял на пороге, глядя не на рану, а на мои глаза. Он не спросил «ты в порядке?». Он просто смотрел, изучая эту новую, дикую эмоцию, которую не мог просчитать алгоритмами.

— Переоденься, — приказал он, указывая на коробку на кровати. — Худи и рваные джинсы портят эстетику моей лаборатории. Сегодня ужин с инвесторами фонда. Ты идешь со мной.

Я медленно вытерла кровь салфеткой, оставляя розовые разводы на ткани. Внутри кипело желание сказать «нет», но тело уже знало ответ.

Открыла коробку. Там лежало платье. Темно-синее, шелковое, с тонкими лямками. Оно стоило больше, чем моя стипендия за год.

Я не стала торопиться. Медленно стянула толстовку, чувствуя холод воздуха на коже. Застегнула пуговицы рубашки, которая лежала рядом: пока камеры работали, я не собиралась раздеваться перед ними. Затем натянула платье поверх рубашки, как доспех. Каждый жест был нарочито медленным, демонстративным. Я превращала акт подчинения в спектакль для одного зрителя.

Когда я обернулась, Артур замер. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на шее, на ключицах. На долю секунды маска циничного кукловода треснула. Я увидела, как он заметил не функцию, не код, а живую женщину. Он отвел глаза первым. Это было маленькой, горькой победой.

Столовая элитного крыла напоминала аквариум с акулами. Шепот начался, стоило нам войти.

— ...Волков привел свою собачку...

— ...Шавка с клеймом предателя...

Головы поворачивались, глаза сканировали меня, как товар на витрине. Я чувствовала кожей каждое слово, каждая насмешка впивалась булавками.

Мы сели за угловой стол. Артур занял место напротив, его локти на столе создавали барьер между нами и остальным миром.

Справа от меня кто-то мягко коснулся руки. Лев Орлов. Он выглядел обеспокоенным, его очки съехали на нос.

— Вера, — прошептал он. — Тебе тяжело. Давай я помогу тебе найти выход из этой ситуации. Мы можем поговорить в тихой комнате. Ты не обязана быть здесь.

Он говорил тихо, но за соседним столом уже прислушивались. Сейчас меня уведут под руку, как заплаканную первокурсницу. Ещё и снимут.

Я резко отдернула руку, словно обожженная.

— Мне не нужна твоя помощь, Лев, — сказала я громко, достаточно, чтобы услышал весь зал. — И мне не нужно спасение от того, кого я выбрала сама.

Я подняла глаза и посмотрела прямо на Артура. В его серых глазах вспыхнуло удовлетворение. Холодное, собственническое. Я сама оттолкнула Льва — и Артур даже не попытался скрыть, как ему это понравилось.

Лев покраснел, опустил голову и встал, уходя. Зал вздохнул. Ксения, сидящая через три стола, улыбнулась злобно. Но я видела, как её пальцы судорожно сжимают бокал. Она ожидала слез. Получила камень.

Ночь в номере прошла в гудении серверов. Я не могла уснуть. В голове крутился план: локальная сеть номера была изолирована, но на роутере оставалась кнопка сброса настроек, утопленная в корпус. У меня не было инструментов, но была память.

Я достала из кармана платья (которое оставили мне как часть униформы) маленькую английскую булавку. Руки дрожали от напряжения и холода. Булавкой я нажала кнопку сброса на задней панели роутера, надеясь вернуть заводские настройки и открыть выход наружу.

Свет в комнате мигнул красным. Резко, аварийно.

Дверь с глухим щелчком заблокировалась.

Я замерла, булавка выпала из пальцев.

Камера в углу смотрела прямо на меня. Черный глаз объектива.

«Ты думаешь, я не вижу тебя?» — прозвучал голос Артура из динамика на стене. Не вопрос. Констатация факта.

Я отняла руку от роутера, легла на кровать, уставившись в потолок. Попытка была неудачной. Изоляция абсолютная.

Но я сделала кое-что другое. Я встала, подошла к балконной двери и оставила её приоткрытой. Щель в два пальца ширины. Холодный ночной воздух проникал внутрь, пах дождем и свободой. Это был вызов. Маленький, глупый, но мой.

Через десять минут Артур вошёл в комнату и распахнул балконную дверь, скинув пиджак. Он не стал включать свет. Мы стояли в темноте, разделенные лишь расстоянием в метр.

— Почему ты не плачешь? — спросил он. Голос звучал странно, хрипло.

Я посмотрела на него. В полутьме его черты казались более острыми, более человеческими.

— А почему ты боишься тишины? — вопросом на вопрос.

Тишина повисла между нами, плотная, как туман.

Артур шагнул вперед. Внезапно, агрессивно. Его руки схватили меня за плечи, пальцы впились в ткань платья, в кожу. Боль пронзила нервы. Он прижал меня к стеклянной стене балкона, так что я почувствовала ледяной холод стекла сквозь шелк.

— Ты играешь со мной, Вера! — шипел он, нависая сверху. Его лицо было искажено, ноздри раздувались. — Ты думаешь, что можешь ломать мои правила? Что ты выше этого?

Я не сопротивлялась. Я не оттолкнула его. Я позволила себе чувствовать вес его тела, силу его захвата, опасность, исходящую от него. Страх смешался с каким-то странным, запретным возбуждением. Он был сильным. Он был опасен. И он был здесь, только ради меня.

— Ударь меня, — прошептала я, глядя ему прямо в зрачки. — Если это поможет тебе уснуть. Если это поможет тебе забыть, что ты не всесилен.

Его хватка ослабла. Не сразу. Сначала дрогнули мышцы предплечий. Потом пальцы разжались.

Артур отступил на шаг, дыша тяжело, как после бега. Он смотрел на меня с выражением, которое я никогда раньше не видела на его лице. Не ненависть. Не презрение.

Ужас.

Я осталась у стекла, хотя он больше не держал меня. Плечи болели там, где впились его пальцы. Артур перевёл взгляд на них, потом на моё лицо, и я ждала: скажи ещё что-нибудь. Прикажи. Его губы шевельнулись, но слов не было. Я впервые выдержала эту паузу дольше него.

Он повернулся к двери балкона.

— Спи, — сказал он глухо.

И прикрыл дверь.

Но не защелкнул замок.

Оставил ту самую щель. Два пальца ширины. Сквозняк снова потянул внутрь, неся запах его одеколона — сандал и озон.

Это была единственная связь между нами. Канал утечки данных. И я знала, как его использовать.

Глава 5

Столовая элитного крыла пахла дорогим парфюмом и отчаянием. Я вошла, сжимая кулак в кармане потрёпанной куртки. Куртка была одним из немногих напоминаний о моей прошлой жизни до того, как Артур Волков превратил её в руины. Воздух здесь был другим: густым, наэлектризованным чужими взглядами. Каждый студент, каждый преподаватель знал, кто я теперь. Не просто неудачница. Предатель. Грязная уличная воришка.

Ксения Лаврова ждала меня у входа. Она стояла, скрестив руки на груди, и её улыбка была похожа на оскал акулы. В руке она держала стаканчик с горячим кофе из автомата.

— Осторожнее, Вера, — её голос звенел, притворяясь заботливым. — Пол тут скользкий.

Я не успела сделать шаг. Кофе плеснул мне в лицо; я заслонила предплечьем, и основная струя обожгла руку, пропитывая ткань куртки. Горячая жидкость стекала по рукаву, впитываясь в кожу, как кислота. Боль была мгновенной и острой, но я не вскрикнула. Я только моргнула, чувствуя, как капли попадают на ресницы.

Вокруг повисла тишина. Десятки глаз смотрели на меня, ожидая слёз, крика, унижения. Ксения шагнула ближе, понизив голос, чтобы слышала я и те, кто стоял рядом:

— Ты думаешь, ты особенная? Ты мусор, который прилип к нашей системе. И сегодня этот мусор будут вывозить.

Мои пальцы сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Обида кипела внутри, требуя выплеснуться, ударить, заорать. Но я уже видела, как здесь смакууют чужую слабость. «Не давай им крови», — приказала я себе. Это был тест. Если я заплачу или ударю — я подтверждаю их картину мира. Я стану той самой истеричкой-шантажисткой, которую они хотят видеть.

Я медленно подняла глаза. Посмотрела прямо в глаза Ксении под густо накрашенными ресницами. Мой взгляд был пустым, холодным, полным презрения. Не страха. Не боли. Просто равнодушия, как к насекомому, которое случайно попало в объектив камеры.

Ксения дрогнула. Её уверенность дала трещину. Она ожидала реакции жертвы, а получила реакцию хищника, который ещё не решил, стоит ли тратить время на эту добычу.

— Уйди с дороги, — произнесла я тихо, но так, что каждый услышал.

Именно в этот момент двери столовой распахнулись. Артур Волков стоял на пороге, одетый в чёрное, сливаясь с тенью коридора. Его серые глаза метались между мной и Ксенией. Он не помогал. Он наблюдал. Как учёный за подопытной мышью в лабиринте.

— Почему ты всё ещё стоишь здесь в мокрой одежде? — спросил он холодно, даже не повышая голоса. — Твоя сцена закончилась, Смирнова. Иди в свою клетку.

Я развернулась. Хлопнула дверью так, что стекло задрожало. Уходя, я чувствовала спяной его взгляд — тяжёлый, цепкий, собственнический. Артур не спас меня. Он дал мне уйти, потому что моя сила сейчас была ему выгоднее моего сломленного состояния.

Комната в элитном крыле была стерильно чистой и пугающе дорогой. Белый пластик, хромированные поверхности, отсутствие личных вещей предыдущих жильцов. Здесь стирали память.

Я бросила куртку на стул и включила свой ноутбук, который мне вернули «под подписку о неразглашении». Экран вспыхнул синим светом. Интуитивно я потянулась к клавиатуре, проверяя процессы. Что-то было не так. Активность сети скакала, хотя Wi-Fi должен быть отключён для студентов без привилегий.

Мои пальцы замелькали быстрее, чем мысли. **netstat -ano**. Список сетевых соединений. Там, где должна быть пустота, висел скрытый трафик. Кто-то подключился к моему устройству через USB-порт, пока я была в столовой. Или через сеть, используя уязвимость драйвера, который я сама же и установила неделю назад.

Злость сменилась профессиональным азартом. Я начала сканировать логи. Следы вели не на внешний IP-адрес Ксении. Они вели внутрь. На сервер академии. Администраторский аккаунт ректората.

Они взламывают нас? Эта мысль ударила в голову сильнее, чем кофе Ксении. Мы не просто студенты. Мы данные. Биометрия, привычки, переписки — всё это собиралось в единый архив. А мой код, над которым я работала последние месяцы, мог стать ключом к расшифровке этого хранилища.

Дверь открылась без стука. Лев Орлов, ассистент кафедры этики, стоял на пороге с планшетом в руках. Его лицо было бледным, глаза бегающими.

— Вера, — начал он, входя и запирая дверь за собой. — Мне нужно кое-что сказать. Ксения... она узнала про долги твоего отца. Про то, как он украл оборудование на прошлом месте работы. Она готовит материалы для ректора. Если она подаст жалобу, тебя исключат. Навсегда. Без права на апелляцию.

Лев протянул руку, словно хотел коснуться моего плеча, поддержать. В его глазах читалась искренняя тревога. Он видел во мне человека. Жертву. Девочку, которую нужно спасти.

Но я отшатнулась.

— Уходи, Лев.

Он замер.

— Я могу помочь. У меня есть доступ к внутренним каналам связи...

— Нет! — мой голос сорвался на крик. — Ты не можешь мне помочь. Ты сделаешь из себя мишень. Артур следит за тобой. Он следит за всеми, кто проявляет ко мне интерес. Если ты вмешаешься, он уничтожит тебя так же легко, как меня. А я не хочу, чтобы кто-то погибал ради меня.

Лев побледнел ещё сильнее. Его ладонь так и осталась поднятой между нами. Я отступила к столу, не давая ему дотронуться. Пусть злится на меня — лишь бы сейчас ушёл, пока Артур не застал нас вместе.

Он молча кивнул, опустил планшет и вышел, оставив дверь приоткрытой. Шум шагов в коридоре звучал как приговор. Я осталась одна. Абсолютно, тотально одна против системы, которая уже начала меня переваривать.

Ночь в кампусе наступила внезапно. Свет в окнах гас один за другим, оставляя лишь дежурные лампы в коридорах. Телефон завибрировал. Сообщение от неизвестного номера: *«Кабинет 301. Сейчас.»*

Артур не стал писать имя отправителя. Он знал, что я пойму.

Кабинет ректората находился на третьем этаже главного корпуса. Двери были закрыты, но замок щёлкнул, когда я толкнула ручку. Внутри было темно, горел только монитор компьютера на столе Артура. Синий свет отражался в его очках, делая глаза непроглядными.

— Ты знаешь, почему ты здесь? — спросил он, не поворачиваясь.

— Потому что ты обнаружил попытку несанкционированного доступа к системе безопасности через мой ноутбук, — ответила я, подходя ближе. Сердце колотилось в горле, но ноги не дрожали. — И потому что ты хочешь сдать меня полиции.

Артур медленно повернулся. Его лицо было непроницаемой маской.

— Лог показывают твою активность, Вера. Ты пыталась проникнуть в архив биометрии. Это статья 272 УК РФ. Незаконный доступ к компьютерной информации. Срок до пяти лет. Для студентки без связей и денег.

— Попробуй, — я сделала шаг навстречу, вторгаясь в его личное пространство. Запах его дорогого табака и холодного воздуха ударил в ноздри. — Запусти процесс. Но сначала посмотри на исходник.

Я бросила на стол флешку. Артур не взял её сразу. Он посмотрел на мои руки, на красные пятна от ожога кофе, которые я не успела обработать.

— Ты думаешь, я поверю на слово?

— Посмотри, — повторила я жёстко. — Ты сам написал скрипт перехвата. Тот самый, который использовался во время ночного экзамена. Я не взламывала систему, Артур. Я анализировала её поведение. И я нашла то, что ты искал.

Он наконец взял флешку. Вставил в порт. Экран монитора мигнул, загружая файлы. Артур быстро пробежал глазами по строчкам кода. Его брови сошлись на переносице. Тишина в кабинете стала оглушающей. Секунды растягивались в часы.

— Следы ведут на администраторский аккаунт ректората, — сказал он, и в его голосе впервые послышалось что-то, кроме цинизма. Зуд? Раздражение? — Кто-то другой использует твои методы.

— Да, — кивнула я. — Твой отец. Ректор Волков. Он тестирует систему слежки на нас. На всех студентах. И он знает, что я близка к разгадке алгоритма шифрования. Поэтому он и подстроил этот «взлом» с твоей стороны. Чтобы проверить, насколько далеко я зашла. И чтобы запугать тебя, если ты начнёшь копать глубже.

Артур откинулся на спинку кресла. Его пальцы барабанили по столу. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Не как инструмент. Не как врага. Как равную угрозу.

— Ты умна, Вера. Опасно умна.

— Это комплимент?

— Это констатация факта.

Он щёлкнул мышкой. Экран погас.

— Что ты делаешь? — спросила я, напрягаясь.

— Удаляю доказательства.

— Что?! — я рванулась вперёд, схватив его за воротник рубашки. Ткань затрещала. — Ты не можешь! Это твоя единственная улика против него! Если ты удалишь логи, ты останешься без оружия!

Артур не оттолкнул меня. Он только посмотрел вниз, на мои руки, сжимающие его ткань, а потом в мои глаза. В его взгляде была странная смесь ярости и удовлетворения.

— Логика остаётся у меня. На внешнем носителе. Который никто не найдёт. Кроме меня.

— Зачем?

— Потому что если эти данные утекут наружу, система будет обновлена. Доказательства исчезнут навсегда. А я хочу использовать их правильно. Когда придёт время.

Он аккуратно снял мои руки со своего воротника. Прикосновение его пальцев к моей коже было холодным, но от него мурашки побежали по спине.

— Ты победила раунд, Смирнова. Ты доказала свою невиновность перед судом фактов. Но перед судом общественного мнения ты остаёшься виновной.

— И что дальше? — спросила я, задыхаясь от смеси облегчения и ужаса.

Артур встал. Он был выше меня почти на голову. Тень от него накрыла полностью.

— Дальше ты продолжаешь работать со мной. Ты будешь моими глазами и ушами. Моими руками в цифровом мире. Но снаружи... снаружи ты останешься грязной уличной воришкой. Тебя будут травить. Тебя будут бояться. И только я буду знать правду.

Это был не триумф. Это была ловушка более тонкая, чем та, в которой я оказалась после экзамена. Он не освободил меня. Он забрал мою репутацию себе. Стал единственным хранителем моего имени. Он изолировал меня от мира, чтобы иметь полный контроль.

— Ты не спасаешь меня, — прошептала я, понимая всю глубину его манипуляции. — Ты забираешь меня себе.

Артур улыбнулся. Холодно. Красиво. Страшно.

— Верно.

Он подошёл к двери и повернул ключ в замке. Щелчок прозвучал как выстрел.

— Теперь ты моя, Вера. И если кто-то другой захочет тебя сломать... я сделаю это первым.

Глава 6

В темноте коридора за дверью я услышала быстрые шаги и приглушённый голос Ксении, которая уже кому-то звонила, называя меня предательницей и шпионкой. Я стояла в центре комнаты, окружённая стенами из чужих секретов и собственного бессилия. Артур стоял напротив, держа ключ в руке. Между нами была всего пара метров, но пропасть, заполненная ненавистью, страхом и тем самым током напряжения, который я больше не могла игнорировать.

Коридор третьего этажа пах дезодорантом и страхом. Сотни глаз, приклеенных к нам с Артуром Волковым, словно липкая паутина. Я чувствовала, как каждый шаг отзывается эхом в черепе, но спина была прямой — выучка тех, кто привык не гнуться перед теми, кто выше по статусу. Или по деньгам.

— Извинись, — шепнул Артур, не поворачивая головы. Его голос был холодным лезвием, скользнувшим вдоль моего позвоночника. — Публично. Скажи, что ты грязная уличная воришка, которая не заслуживает чистых систем.

Студенты замерли. Ксения Лаврова, стоящая чуть поодаль, усмехнулась, поправляя идеальную прядь волос. Она ждала крови. Ждала, что я сломаюсь, заплачу, умоляю о пощаде. Что стану той самой «игрушкой», которую они все видели во мне последние два дня.

Я остановилась. Медленно повернула голову к Артуру. В его серых глазах плескалась скука. Ему было всё равно, унижу я себя или нет, главное — процесс. Он хотел доказать себе, что сломал меня окончательно.

— Ты думаешь, я боюсь твоего пароля? — спросила я тихо, так, чтобы слышал только он. Артур приподнял бровь.

— Я думаю, ты слишком глупа, чтобы понимать цену молчания.

Вместо ответа я полезла в карман своего ветхого худи. Пальцы наткнулись на металл. Маленькую, теплую флешку. Ту самую, которую я незаметно выудила из внутреннего кармана его пиджака, когда он толкнул меня в лифте, считая, что я слишком подавлена, чтобы замечать детали.

Я бросила её на пол между нами. Звонкий стук пластика о кафель разрезал тишину коридора громче крика.

Артур посмотрел вниз. Потом на меня. Его лицо не изменилось, но зрачки расширились на долю секунды. Этого хватило.

— Твой код доступа к локальной сети, — произнесла я достаточно громко для ближайших наблюдателей, но с интонацией человека, который знает секрет. — Очень небрежно, принц. Если бы я хотела сдать тебя ректору, я бы уже сидела в кабинете следователя. Но мне нужна работа. Не твоя жалость.

Тишина стала оглушающей. Ксения перестала улыбаться. Студенты переглянулись. Один из парней приоткрыл рот и так и не закончил смешок. Флешка лежала у туфли Артура; теперь ему предстояло нагнуться за ней самому.

Развернувшись, я направилась к лифту, чувствуя спиной взгляд Артура. Тяжелый, колющий, новый. Теперь он видел во мне не жертву, а угрозу. И это было лучше, чем презрение.

Двери лифта сомкнулись за мной с глухим шелчком. Я прислонилась к холодной стене кабины, позволяя ногам подогнуться. Сердце колотилось где-то в горле. Блеф стоил мне всего. Осталось только выжить.

Лифт дернулся, останавливаясь на следующем этаже. Свет мигнул, и двери разъехались ровно настолько, чтобы впустить Ксению. Она не вошла. Она просто стояла, блокируя собой выход, и смотрела на меня с выражением хищника, загнавшего добычу в угол.

— Рюкзак, — потребовала она. Голос был сладким, как ядовитое яблоко. — Покажи содержимое. Сейчас. Охрана академии ждет на этом этаже. Я уже вызвала их. Они придут через минуту. Ты украла данные с экзамена, Вера. Я видела логи.

Мои пальцы судорожно сжались на ремне сумки. Внутри лежал не компромат, а пустота. Но Ксения не знала этого. Для неё я была вором.

— Уйди с дороги, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Или что? Позвонишь своему новому хозяину? — Ксения шагнула ближе, ее парфюм — дорогая химия и властная уверенность — ударил мне в нос. — Ты никто. Грязная стипендиатка, которая думает, что может играть в большие игры.

Она протянула руку, чтобы вырвать мой рюкзак. Я отшатнулась, ударившись спиной о панель управления. В этот момент я нащупала телефон в кармане. На нём оставалась запись — та самая, которую я случайно активировала, когда подслушивала разговор Ксении с деканом по безопасности неделю назад. Тогда они планировали мою подставу.

Я включила воспроизведение. Громкость выкручена на максимум.

Голос Ксении, четкий и циничный, заполнил тесное пространство лифта: *«...Смирнова должна уйти до конца семестра. Подбросьте ей скрипт на сервер. Если она попадет в полицию, фонд закроет глаза. Нам нужны её места для детей инвесторов...»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.